

ОДУШЕВЛЁННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ КАТЕГО́РИЯ

Авторы: Ю. П. Князев

ОДУШЕВЛЁННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ КАТЕГО́РИЯ, языковая категория, в основе которой лежит противопоставление «живого» «неживому». Признак одушевлённости объединяет людей и животных: общим для тех и других является наличие различий по полу, а также способность испытывать чувства и самостоятельно передвигаться. О.-н. к. имеет многообразные проявления в языках мира.

Самое известное отражение О.-н. к. – наблюдающееся в очень многих языках разных систем наличие двух рядов местоимений типа «кто» и «что», различие между которыми связывается с одушевлённостью либо неодушевлённостью *референта*. Это характерно прежде всего для вопросительных, неопределённых и отрицательных *местоимений* (напр., франц. *qui/que* 'кто'/'что', англ. *somebody/something* 'кто-то'/'что-то', исп. *nadie/nada* 'никто'/'ничто'). В некоторых языках на аналогичной основе могут различаться и слова др. классов. Так, в япон. яз. для выражения существования и обладания используются 2 глагола – *iru* и *aru*; первый из них употребляется в сочетании с одуш. существительными [напр., *Neko wa isunoue ni iru* 'Кот на стуле (находится)'], а второй – в сочетании с неодуш. существительными [напр., *Ishi wa isunoue ni aru* 'Камень на стуле (находится)']. Считается, что наиболее последовательно это противопоставление проводится в языках *активного строя*, к которым относятся мн. автохтонные языки Сев. и Юж. Америки.

Др. распространённое проявление О.-н. к. – различия в способе оформления прямого *дополнения*. Так, в рус. языке окончания форм вин. п. мн. ч. всех существительных и вин. п. ед. ч. существительных муж. рода зависят от того, является ли существительное одушевлённым или нет. У одуш. существительных эти окончания совпадают с окончаниями род. п., а у неодушевлённых – с окончаниями им. п.; ср.: «вижу брата, братьев, сестёр, лошадей, чудовищ» (одушевлённость), но «вижу стол, столы, книги, вещи, окна» (неодушевлённость). Эта особенность (которую называют О.-н. к.) представлена и в большинстве др. слав. языков, но в меньшей степени, чем в рус. языке. В исп. языке (в котором существительные не склоняются) прямому дополнению, выраженному одуш. существительным, должен предшествовать предлог *a* (напр., *Conozco a este actor* 'Знаю этого актёра', но *Conozco esta película* 'Знаю этот фильм').

О.-н. к. двояким образом связана с категориями *рода* и класса именного (см. *Классы именные*). С одной стороны, различие по естественному полу является семантич. доминантой противопоставления муж. и жен. родов, а к ср. роду (за немногочисл. исключениями типа рус. «дитя», «животное», «насекомое») относятся только неодуш. существительные. Для *банту языков*, обладающих максимально развитой системой именных классов, противопоставление по одушевлённости-неодушевлённости рассматривается одновременно и как один из предполагаемых первоисточников, и как возможная конечная точка эволюции именных классов. Сходное развитие встречается и у категории рода. Так, в англ. яз., утратившем категорию рода существительных, личные местоимения 3-го лица различаются по одушевлённости-неодушевлённости: местоимение *he* указывает на существа мужского пола, *she* – на существа женского пола, а *it* употребляется в остальных случаях.

С др. стороны, поскольку в рус. яз. от формы прямого дополнения зависит и форма согласуемого определения [ср.: «вижу своего учителя» (одушевлённость), но «вижу свой автомобиль» (неодушевлённость)], О.-н. к. нередко объединяется с родом (также требующим согласования) в единую категорию согласовательного класса, включающего не менее 7 единиц: одуш. и неодуш. разновидности в каждом из трёх родов и слова типа «ножницы», имеющие только формы мн. ч. (описана А. А. Зализняком).

О.-н. к. оказывает значит. воздействие на употребление и осмысление грамматич. единиц. Так, возвратный глагол «подниматься» в сочетании с одуш. существительным (напр., «Старик медленно поднимается по лестнице») понимается как обозначающий собств. перемещение референта подлежащего, а в сочетании с неодуш. существительным (напр., «Флаг медленно поднимается по флагштоку») – как обозначающий перемещение, вызванное воздействием извне. Двусоставные предложения с инфинитивным сказуемым (см. Инфинитив) могут обозначать только действия людей или животных [напр., «И царицахохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищёлкивать перстами» (А. С. Пушкин); «Увидевши слона, ну на него метаться, / И лаять, и визжать, и рваться» (И. А. Крылов)]. Только одуш. существительные могут употребляться в форме дат. п. для выражения предназначенности (напр., «купить лекарство отцу» или «дать корм кошке» при невозможности *«купить линолеум кухне»). И наоборот, в безличных конструкциях (см. Личности-безличности категория) в форме тв. п. могут употребляться только неодуш. существительные (напр., «Ветром сломало дерево» при невозможности *«Медведем сломало дерево»). Помимо абсолютных запретов существуют и явно выраженные тенденции. Так, в качестве подлежащего в конструкциях действительного залога чаще всего выступают одуш. существительные, а в роли прямого дополнения – неодушевлённые; таковы, напр., типичные переходные глаголы: «читать (книгу)», «строить (дом)», «ломать (ветки)», «сушить (грибы)», «красить (забор)», «бросать (камни)», «пить (воду)» и многие другие.

В отдельных языках наблюдаются специфич. особенности в использовании языковых средств, связанных с О.-н. к. В рус. яз. существительные «мертвец» и «покойник» употребляются как одушевлённые [«Прибежали в избу дети, / Второпях зовут отца: "Тятя! тятя! наши сети / Притащили мертвеца"» (А. С. Пушкин)], а существительное «труп» – как неодушевлённое [«Вы видели протокол, вам предоставили возможность осмотреть, – труп? тело? на мгновение замялся усатый, – больную» (Л. Е. Улицкая)]. В англ. языке местоимение she 'она' может относиться к кораблям, автомобилям и странам; в польск. яз. грамматически одушевлёнными являются, в частности, названия танцев (tancerz walca, polonesa 'танцевать вальс, полонез').

Литература

Лит.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. М., 2002; Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969; Ельмслев Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977; Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994; Dahl O., Fraurud K. Animacy in grammar and discourse // Reference and Referent Accessibility. Amst., 1996; Есперсен О. Философия грамматики. 3-е изд. М., 2006; Русакова М. В. Категория одушевленности / неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta linguistica petropolitana: труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 3; Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

